

УДК 32.001

Э.Ж. Усекеев

Кочевое государство: специфика и характер функционирования институтов власти

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, Кыргызстан

Аннотация. Специфика и характер функционирования институтов власти кочевого государства связаны с его типологическими чертами, низким эволюционным потенциалом, малой устойчивостью, узкими реальными функциями. В этом контексте, считает автор, именно патронимия становится доминирующей формой регулирования общественных и иных отношений в кочевом социуме, основывающаяся на генеалогической, кровнородственной близости и патриархальных отношениях внутри семьи.

Ключевые слова: кочевое государство, власть, феномен, цивилизация, культура.

Рассмотрим феномен власти в связи с кочевыми цивилизациями, которые отличаются рядом типологических черт от оседлых цивилизаций. Как справедливо отмечает Ж.К. Урманбетова: «Номадическая цивилизация представляет собой определенную систему культуры, отражающую специфические черты мышления. Культура кочевников целостна по природе, обладает своей универсальной концепцией бытия, его понимания, что образует своеобразие мышления и самосознания... Именно целостность образа мышления кочевников, позволившая создать относительно устойчивую систему культуры, выражающуюся в уникальном способе мировидения, дает основания для выделения древней кочевой культуры центра Азии как отдельной цивилизации, имеющей свое непосредственное продолжение в настоящем в виде развития многих национальных культур Средней Азии» [1].

К. Ясперс отводил кочевым народам и, соответственно, цивилизациям не созидательную, а провоцирующую и стимулирующую роль. Он писал, в частности: «Вторжение кочевых народов из Центра Азии, достигших Китая, Индии и стран Запада (у них великие культуры древности заимствовали использование лошади), имело аналогичные последствия во всех трех областях: имея лошадей, эти кочевые народы познали даль мира. Они завоевали государства великих

культур древности. Опасные катастрофы и предприятия помогли им понять хрупкость бытия; в качестве господствующей расы они привнесли в мир героическое и трагическое сознание...» [2].

Очевидно, что, постоянно перемещаясь, кочевые народы не имели ни условий, ни возможности, ни, наконец, склонности и привычки к созидательной деятельности. Однако для того чтобы осуществить завоевание государств «великих культур древности», которые в военно-организационном отношении стояли на весьма высоком для своего времени уровне, необходимо было превосходить их в этом отношении. Кроме того, завоевывая эти государства, кочевые народы неизбежно вступали с оседлыми народами в отношения, в процессе которых, так или иначе, осуществлялся культурный обмен. Следует признать, что нередко кочевые народы, осуществляя военную экспансию, использовали эффективную стратегию устрашения и без особой оперативной и политической необходимости уничтожали города и целые культурные оазисы, разоряя их и обеспечивая себе таким образом безопасный тыл. Однако относительно часто на территориях, политически подчинившимсяномадам-завоевателям, при сохранении значительной части оседлого населения, в конце концов, устанавливался своеобразный культурный симбиоз. Но поскольку для сохранения своего культурного своеобразия, а

вместе с ним и себя самих как таковыхномадам необходимо было придерживаться кочевого образа жизни, то их переход к оседлым формам жизни содержал в себе реальную опасность полной культурной ассимиляции кочевников, если они обнаруживали в себе способность к восприимчивости традиций оседлой урбанистической культуры. В тех случаях, когда кочевники переходили к оседлости, они культурно ассимилировались, образуя полноправный компонент оседлого и городского населения.

В связи с влиянием культуры оседлых народов на номадов С.Г. Кляшторный пишет следующее: «Важнейшим фактором политогенеза у древнетюркских племенных сообществ Центральной Азии и Южной Сибири явилось их весьма раннее вхождение в сферу прямого или опосредствованного воздействия социально более дифференцированной и уже урбанизированной цивилизации. Именно формирование в бассейнах Хуанхэ и Тарима во втором-первом тыс. до н.э. крупных цивилизационных очагов, сопровождавшееся исторически интенсивными по срокам процессами политогенеза, привело во второй половине I тыс. до н.э. к появлению в северной лесостепной и горно-степной зоне, близкой или прилегающей к долинам названных рек, ранней степной государственности, весьма отличной от китайской; государственности, с почти сразу же обозначившимися элементами имперской структуры» [3]. Указание С.Г. Кляшторного на то, что ранняя степная государственность весьма отличалась от китайской, т.е. государственности оседлого народа, а кроме того, что она имела сразу же обозначившиеся элементы имперской структуры, отражают цивилизационную специфику кочевых народов. С другой стороны, их государственность возникла вследствие широкого культурного влияния оседлых народов. Как пишет С.Г. Кляшторный: «Сообщества кочевых племен Центральной Азии VIII–V вв. до н.э., по достаточно определенной характеристике современных им письменных источников, не имели политической организации, выходящей за рамки родоплеменных и военно-демократических институтов» [4]. Коренные изменения «произошли в IV–III вв. до н.э., когда сложилась зафиксированная организация раннее государство, управляемое иерархически структурированной военно-племенной аристократией» [4]. Источником власти является сила, в данном случае – военная, и вполне естественно, что ранние кочевые

государства управлялись «иерархически структурированной военно-племенной аристократией». «Имперская структура, – пишет С.Г. Кляшторный, – верховной власти предопределила глубокие социальные изменения не только внутри господствующей племенной группировки, но и в зависимых от них сообществах, где резко интенсифицировались процессы политогенеза. Эти процессы нашли свое отражение и в унифицированной для всего центральноазиатского мира политической терминологии источников» [4].

Имперская структура верховной власти в кочевых государствах отражает милитаристский характер самих кочевых общностей, племенных группировок, являвшихся основной структурной единицей государства. Следует отметить, что милитаристский характер ранних государств, независимо от их цивилизационной специфики – является универсальным свойством. Другими словами, практически все ранние государства возникали на основе военной мощи консолидировавшихся в единое государственное образование родов и племен. Однако одним из основных отличий кочевых государств от государств, образованных оседлыми народами, являлся их относительно низкий эволюционный потенциал, что, в свою очередь, обуславливает две важные черты ранних и поздних государств номадов. Во-первых, возникнув на милитаристской основе, кочевые государства продолжали свое существование до тех пор, пока у них сохранялось военное превосходство над соседними государствами, т.е., возникнув как милитаристские государства, они оставались таковыми до самого своего исчезновения, не меняя ни своей организационной основы и форм, ни функций. Во-вторых, кочевые государства существовали относительно непродолжительное время.

Пиком процессов политического генезиса в степной зоне Евразии, в которой существовали и наши предки, стало возникновение и усиление обширных военно-политических образований, которые в настоящее время принято определять как кочевые империи. Империя как военно-политическая структура характеризуется, по меньшей мере, двумя чертами, а именно: огромными размерами и наличием колониальных и зависимых территорий. Империи номадов, в первую очередь, в силу особенностей системы кочевого хозяйствования становились выражением определенной военно-политической централи-

ции подвижных скотоводческих племен. Характеризуя ранние кочевые государства, возникшие в обширной степной зоне Евразии, В.М. Массон пишет следующее: «Заметным своеобразием отличалось и развитие в степной зоне различных форм общественной жизни, в том числе и политических, что в общем плане можно охарактеризовать как политогенез. В целом можно говорить о двух основных формах политогенеза – организационно-управленческой и военно-аристократической. В первом случае институты политической власти формируются преимущественно за счет развития в обществе организационных функций, в первую очередь, по масштабному хозяйственному регулированию. Этот путь характерен для обществ с преобладанием в экономике земледельческой сферы, особенно в форме ирригационного земледелия. Руководство этой сферой деятельности... постепенно переходит в руки жреческой корпорации... Военно-аристократический путь в политогенезе развивается в условиях повышенной значимости в жизни общества военной функции. Формирующаяся в этих условиях светская власть постепенно стремится занять в обществе лидирующее положение. ... В степной зоне военно-аристократический путь политогенеза приобрел лидирующее значение. Возможности насильственного перераспределения прибавочного продукта в виде передвигающихся стад были здесь особенно велики. Инициативные лидеры, объединявшие под своим руководством группы воинов, становящихся постепенно все более профессиональными, претендуют на особое положение в обществе. Так, через военную функцию идет институализация власти» [5].

Кочевой образ жизни и кочевая ментальность не предрасполагали к государственным формам бытия. Кочевая система хозяйствования позволяла осуществлять свою примитивную экономическую деятельность вне государственных форм жизни, что в совокупности с другими обстоятельствами придавала кочевым государствам малую стабильность, устойчивость. В.М. Массон, опираясь на множество фактических данных, указывает на то, что кочевым империям (как и кочевым государствам вообще) была свойственна «внутренняя слабость, приводившая, в конечном итоге, к их крушению и к смене этнических приоритетов в создании подобных систем. Жесткое утверждение новой политической структуры сдерживали родоплеменные правопорядки. В первую очередь отсутствие

строга легитимной линии в вопросах престолонаследия. Обычное право давало юридическое основание, освященное традицией, внутридинастийными склоками в правящей верхушке. Безусловно, слабым звеном было отсутствие развитого бюрократического административного аппарата. Заимствования в этой сфере у государств оседлого пояса сводились к стремлению упорядочить получение дани от подчиненных народов и покоренных областей, а не к созданию системы организационно-хозяйственного и административного управления» [6].

Обычное право, мало приспособленное под государственные формы жизни и дававшее «юридическое основание, освященное традицией, внутридинастийными склоками в правящей верхушке», отсутствие «развитого бюрократического административного аппарата», незначительные по объему и разнообразию реальные функции кочевого государства, сводившиеся, главным образом, «к стремлению упорядочить получение дани от подчиненных народов и покоренных областей, а не к созданию системы организационно-хозяйственного и административного управления», – все это, наряду с уже ранее перечисленными, составляло типологические черты кочевого государства, которые, в свою очередь, оказывали прямое и косвенное влияние на специфику и характер функционирования институтов власти в кочевом обществе государства.

Одной из важнейших черт кочевого общества, также непосредственно и опосредованно оказывавших воздействие на специфику и характер функционирования его институтов власти, являлось то, что оно базировалось на кровнородственных связях. В кочевом обществе, в противовес оседло-земледельческим обществам, так называемые патронимические отношения (характерные для группы семей, образовавшихся в результате разрастания и сегментации одной патриархальной семейной общины, сохранявших в той или иной форме хозяйственное и идеологическое единство) и соответствующая этим отношениям патронимическая идеология, основывающаяся на склонности и идее родственной взаимопомощи, в силу низкоэффективной системы хозяйствования, в которую была вовлечена вся семейно-родственная община, имела всеобщий характер.

Патронимия, таким образом, была доминирующей формой регулирования общественных и иных отношений в кочевом социуме, основывающейся на генеалогической, кровнородствен-

ной близости и на патриархальных принципах отношений внутри семьи. Она отражала реалии кочевого социума, в котором на низовых звеньях регулировались общественные отношения на основе семейно-родовых связей, что, в свою очередь, было обусловлено низкой производительностью труда и спецификой процесса производства средств к существованию на основе коллективного использования пастбищ и других трудовых операций. Именно вследствие существенных различий в экономических реалиях, а также в базовых принципах существования, формы и принципы государственного управления оседло-земледельческих обществ не были восприняты номадами даже в период интеграции двух типов обществ в структуре единой империи.

Выводы

1. Одним из основных отличий кочевых государств являлся их относительно низкий эволюционный потенциал. Кочевой образ жизни и кочевая ментальность не предрасполагали к государственным формам бытия. Кочевая система хозяйствования позволяла осуществлять свою примитивную экономическую деятельность вне государственных форм жизни, что в совокупности с другими обстоятельствами придавало кочевым государствам малую устойчивость. Отсутствие развитого бюрократического аппарата, незначительные по объему и разнообразию реальные функции кочевого государства, сводившиеся, главным образом, к стремлению упорядочить получение дани от подчиненных народов, а не к созданию системы организационно-хозяйственного и административного управления, – все это вместе составляло типологические черты кочевого государства, которые, в свою очередь, оказыва-

ли прямое и косвенное влияние на специфику и характер функционирования институтов власти в государстве.

2. Одной из важнейших черт кочевого общества, оказывавших воздействие на специфику и характер функционирования его институтов власти, являлось то, что оно базировалось на кровнородственных связях. Патронимия была доминирующей формой регулирования общественных и иных отношений в кочевом социуме, основывающейся на генеалогической, кровнородственной близости и на патриархальных принципах отношений внутри семьи. Она отражала реалии кочевого социума, в котором на низовых звеньях регулировались общественные отношения на основе семейно-родовых связей, что, в свою очередь, было обусловлено низкой производительностью труда и спецификой процесса производства средств к существованию на основе коллективных форм хозяйствования.

Литература

- 1 Урманбетова Ж.К. Культура кыргызов в проекции философии истории. – Бишкек: Илим, 1997. – С. 68–69.
- 2 Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М., 1991. – С. 46.
- 3 Кляшторный С.Г. Основные этапы политогенеза у древних кочевников в Центральной Азии / Проблемы политогенеза кыргызской государственности. – Бишкек, 2003. – С. 115.
- 4 Кляшторный С.Г. Указ. соч. – С. 116.
- 5 Массон В.М. Политогенез степных обществ и кочевые империи / Проблемы политогенеза кыргызской государственности. – Бишкек, 2003. – С. 101–102.
- 6 Там же. – С. 102.

Э.Ж. Усекеев

Көшпелі мемлекет- басқару институты қызметінің мінездемесі және ерекшелігі

Көшпенді мемлекеттік басқару институтының жұмыс жасауы мен ерекшелігі оның типологиялық белгілерімен, төмен эволюциялық потенциалымен, аз тұрақтылығымен, өте тар қызметімен байланысты. Осы контексте автор көшпелі қоғамда патронимия жанұя ішіндегі патриархальдық қатынастар мен қандас туыстық жақындыққа, генеалогияға негізделген қоғамдық және басқа да қатынастарды ретке келтіретін, негізгі формаға айналады деп есептейді.

Э.Ж. Усекеев

Nomadic State: Specifics and Nature of Functioning of Institutes of the Power

Specifics and character of functioning of authority institutions of nomadic state connected with its typological features; low evolution potential, low sustainability, narrow real functions. In this context, as author thinks, patronymia becomes dominating form of regulating of social and other relations in nomadic society. It is based on genealogic, kinship relations and patriarchal relations within the family.